

Трудовые мигранты из Центральной Азии в России считают, что ислам является прибежищем, помогающим смягчить трудности жизни на чужбине. В основном, они обращаются к религии в поисках духовной поддержки и защиты. Но, как предупреждают эксперты, во время этого процесса, небольшая их часть подвергается вербовке в нетрадиционные мусульманские группы.

По предположительным данным, что в России работает более двух миллионов граждан Узбекистана, свыше миллиона таджиков и около миллиона кыргызов. Но многие работают там нелегально, что усложняет проведение точного подсчета.

По словам экспертов, обращение к исламу для мигрантов естественно, так как, очень часто, они живут обособленно и ведут параллельную жизнь в российском обществе.

Алексей Малашенко, руководитель программы «Религия, общество и безопасность» в Московском центре Карнеги, сказал в интервью IWPR, что мигранты стараются общаются с такими же, как они сами.

Отметив, что трудовые мигранты из Узбекистана и Таджикистана стали более религиозными, а кыргызы в меньшей степени, он сказал: «Происходит это из-за поиска идентичности, духовной поддержки и т.д.».

Выходец из Кыргызстана Руслан Абдуллаев, работающий в Москве, отмечает, что поиск духовности имеет положительное влияние.

Он часто ходит в мечеть, которую часто посещают его земляки из Кыргызстана, и утверждает, что возросший интерес к религии – это хорошо, поскольку верующие не пьют, так злоупотребление алкоголем приведет к конфликтам среди сезонных рабочих.

«Молодежь активно интересуется исламом и, с другой стороны, это хорошо, потому что они не пьют, не дебоширят, - говорит Абдуллаев. - Этот процесс в Москве активно наблюдается среди южных мигрантов».

Шухрат Ганиев, руководитель Гуманитарно-правового центра из Бухары, на западе Узбекистана, исследует трудовую миграцию уже почти десять лет и понимает, почему находясь в другой среде людям ищут поддержки среди своих.

«Невозможно ожидать от человека в чужой стране, находящегося на нелегальной основе, окруженного неизвестной культурой и религией - быстрой и безболезненной интеграции, - сказал он в интервью IWPR. - Естественная реакция - найти своих соотечественников, единомышленников. И они идут туда, где найдут понимание, защиту и помощь».

РАДИКАЛИЗАЦИЯ МЕНЬШИНСТВА

Кадыр Маликов, директор центра «Религия, право и политика» в Бишкеке, говорит, что хотя большинство трудовых мигрантов из Кыргызстана не очень

религиозно, «но есть определенная, более исламизированная от других, часть сообщества».

«И процесс радикализации идет в этой группе», - говорит он.

Ганиев наблюдает растущее число выходцев из Центральной Азии, перешедших от учений и практики умеренного ханафитского толка – традиционного в регионе – к другим формам суннитского ислама.

Ганиев говорит, что мигранты, живущие и работающие в России без надлежащих документов, сталкиваются с определенным давлением.

«Процесс легализации превращается в вымогательство, приводит мигранта к поиску помощи среди радикалов, - говорит он. - Мы наблюдали случаи, когда одним из условий помощи мигрантам становилось требование посещения проповедей того или иного имама».

(В статье Молодежь Таджикистана слабо подготовлена к миграции в Россию рассматриваются трудности, с которыми сталкиваются некоторые молодые люди.)

Ганиев рассказал историю одного 19-летнего узбека, который рассказал ему о «новых братьях», которых он встретил в мечети в Санкт-Петербурге после того, как потерял работу. Мужчины пригласили его в новый молельный дом, предложили ему крышу над головой и нашли ему работу.

Молодой человек сказал, что единственное, чего просили новые друзья – это следовать той же вере, которую они исповедывали. По его словам, они молятся по-другому, чем в Узбекистане, но это его не очень волнует.

Ганиева подчеркнул, что это не значит, что речь обязательно идет о какой-то радикальной группе. Но, тем не менее, это демонстрирует ситуацию, в которую могут попасть мигранты, когда социальная изолированность и трудности могут подтолкнуть их к группам, преследующим радикальные цели.

РАДИКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ НАХОДЯТ НОВОЕ МЕСТО ВЕРБОВКИ

Именно из-за того, что так много людей трудоспособного возраста из Центральной Азии находится в России и из-за того, что власти на родине преследуют членов запрещенных исламских движений, радикальные группы распространили свою деятельность на работу среди диаспор. Молодые люди, в частности, из бедной сельской местности, особо подвержены таким проповедям.

Абдуллаев отметил, что в России действуют активисты таких групп, как «Дават-э-Ислами», основанного в Пакистане, которое занимается миссионерской деятельностью. Но есть и группы, например, такие как «Хизб ут-Тахрир», призывающие к созданию исламского государства, хотя члены организации утверждают, что их организация придерживается только ненасильственных методов.

Затем идут салафитские группы, придерживающиеся более фундаменталистской веры, чем ханафиты, которые следуют умеренному исламу суннитского направления. СМИ сообщали о том, что среди салафитов, которые воюют в Сирии, есть выходцы из Центральной Азии (IWPR писал об этом в статье: Завербованные в Центральной Азии для конфликта в Сирии.)

По данным Международного центра изучения радикализации при Королевском колледже в Лондоне, в Сирии воюют 190 бойцов из Таджикистана и до 30 – из Кыргызстана.

Кроме того, в Афганистане и Пакистане действует вооруженная группировка Исламское движение Узбекистана (ИДУ); ее считают причастной к попыткам вербовки мигрантов из Центральной Азии в России. (См. Исламские экстремисты укрепляют свои позиции на юге Таджикистана.)

Аваз Илолов, мигрант из Таджикистана, рассказал в интервью IWPR, что в его стране обвинение в участии в запрещенной группе может караться длительным сроком тюремного заключения. Поэтому вербовщики направляются в Россию, где «начинают вербовать новых сторонников из числа своих соотечественников, потому что там и контроль над ними ведется не такой строгий, и если они попадают, то сроки заключения не такие большие, как в Таджикистане».

По словам Маликова, «Хизб ут-Тахрир» является одной из самых активных групп, которые используют для вербовки своих членов, которые сами уехали за границу в поисках работы.

«Агитация происходит в [съемных] квартирах, в больших городах России, где компактно проживают кыргызы, - говорит Маликов, объясняя, что их проповеди аналогичны проповедям на родине. - Они не призывают свергать светскую власть, «Хизб ут-Тахрир» этим даже в самом Кыргызстане не занимается».

По словам Малашенко, ячейки «Хизб ут-Тахрир» активно действуют в тех российских городах, где обосновались мигранты из Центральной Азии. «Это никакой не терроризм, но ребята работают настойчиво», - говорит он.

Их тактика – занять позицию имамов на Поволжье, где проживает многочисленное мусульманское меньшинство России – татары и башкиры.

«В основном – это [имамы] узбеки и таджики. Киргизы есть, но они незаметны», - добавил он.

Абдуллаев рассказал, как такие группы привлекают новых членов. «Они открыто не агитируют. Они стараются работать индивидуально, наверное, рассчитывая, что те, в свою очередь, будут продолжать пропаганду среди своих друзей».

Хотя вербовка часто направлена на молодых людей из бедной сельской местности, по словам Ганиева, городские тоже попадают под влияние радикальных групп.

«Это - молодые люди, часто прекрасно образованные, русско- или англоязычные, из семей, которые у себя на родине считаются социально благополучными», - говорит он, добавив, что встречал выпускников университета, которые переходили в группу, выступающую за создание исламского государства в Узбекистане.

ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ ДОМОЙ

Хотя Маликов говорит, что риск радикализации существует, но преувеличивать его не стоит. Он добавил, что такая вербовка представляет угрозу не для России, а для стран Центральной Азии, куда впоследствии эти мигранты возвращаются.

«Чаще всего, они ведут проповедь за изменение ситуации [в Кыргызстане]», - говорит он, предупредив, что за новыми исламистами нужно пристально следить после их возвращения домой. «Возвращаясь в Кыргызстан они, конечно, по возможности будут искать единомышленников или, по крайней мере, поддерживать связь».

В Узбекистане, по словам Ганиева, во многих случаях, после первых контактов и «бесед» с представителями властей они просто возвращаются в традиционный для региона ислам. Но, безусловно, существует более узкая группа людей, принявших и «пропустивших» через себя нетрадиционные направления. Эта категория вряд ли будет демонстрировать себя среди других верующих открыто, собираясь в отдельные группы в закрытых домах и, как правило, так же консолидированно выезжая на место работы в Россию.

“В первую очередь под их влияние подпадают их близкие: жены, дети, родители. Они закрыты для окружающего общества и ведут довольно замкнутый образ жизни”, – сказал Ганиев.